

Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России 90-х гг. XX в. — начала 2000-х гг.*

© 2014

Н. Мамаева

В статье представлен анализ документов и материалов, дающих новую информацию о китайской политике Москвы и Коминтерна, характеризующих внутриполитическую обстановку в Китае первой половины XX века через призму развития национально-освободительного и коммунистического движений. Рассматриваемый блок документов вносит значительный вклад в развитие «коминтерноведения».

Ключевые слова: Китайская Республика, национально-революционное движение, компартия Китая, Сунь Ятсен, Гоминьдан.

Рассматривая историографию как одно из заметных направлений китаеведения, отметим, что оно, как и другие, развивалось с начала 90-х гг. XX в. в новых условиях. 1991 г. изменил государственный строй России, серьезнейшим образом сказался на состоянии научных исследований, в том числе китаеведения, демонстрируя как положительное, так и негативное воздействие. В целом, несмотря на наличие отдельных крупных работ и талантливых исследователей, 90-е годы в определенной степени отодвинули китаеведение назад, имели место элементы упадка в общем развитии китаеведения (значительное уменьшение числа китаеведов, сокращение изучаемой тематики, особенно по истории, и т.д.). Между тем, по мере адаптации научного сообщества к новым условиям развития страны, отечественные китаеведы более или менее приспособились и уже в 90-е годы по отдельным темам демонстрировали в своей работе определенные успехи. Кроме того, они сумели подготовить научную базу для дальнейших исследований, реализация которых в полной мере имела место с начала 2000-х гг.

Следует констатировать, что в настоящее время назрела необходимость обобщения и систематизации написанных китаеведами-историками исследований, выделения основных направлений исследования истории Китая в России, определения степени изученности различных проблем и направлений, обозначения «белых пятен» и дискуссионных вопросов.

В 2000-е годы российская синология широко использовала новые возможности в изучении китаеведения, заметные уже в 90-х гг.: рост международных контактов, введение в научный оборот зарубежной, особенно китайской литературы и нового источниковедческого материала, активное внедрение информационных и электронных технологий

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

в процесс исследований. Одну из главных особенностей нового этапа в изучении истории Китая, начавшегося в 90-е годы, можно с достаточным основанием видеть во внедрении в научный процесс новой источниковедческой базы.

Сближение России и Китая, начавшееся с середины 1980-х гг. XX в. и ставшее стабильным фактором в развитии двухсторонних отношений, оказало стимулирующее влияние и на развитие в России китаеведения, имеющего длительную историю и тесно связанного с российско-китайскими отношениями на разных этапах их развития.

В истории двусторонних отношений были периоды как тесного сближения двух стран, оставившие глубокий след в памяти обоих народов, так и конфликтные ситуации, которые тоже накладывали свою печать на взаимоотношения сторон и внутривнутриполитическую ситуацию. Наиболее впечатляющие события, в которых переплеталась история обоих государств, характерны для первой половины XX в. — периода войн, революций, политических и социальных движений. Коротко обозначим некоторые из них:

- контакты руководителей российских большевиков и Коммунистического Интернационала (Коминтерна; КИ) с лидером Гоминьдана (ГМД), первым Временным президентом Китайской Республики (КР) Сунь Ятсеном;

- «первое сотрудничество КПК и Гоминьдана» с участием Коминтерна и представителей советского государства (1922–1927 гг.), направленное против засилья в Китайской Республике бэйянских (северных) милитаристов и ориентированное на создание суверенного сильного и единого Китая;

- помощь СССР Гоминьдану и КПК в годы национально-освободительного движения 1920-х гг., особенно в партийном строительстве обеих партий, при подготовке и проведении Северного похода. Победа в 1928 г. Национально-революционной армии неотделима от участия СССР в политической и военной реорганизации Гоминьдана;

- финансовая помощь и помощь военными советниками Китайской Республике со стороны Советского Союза, особенно в первые, самые трудные для КР годы антияпонской войны 1937–1945 гг.; прямое участие советских летчиков-добровольцев в боях с японскими ВВС;

- развитие с 1946 г. торговых связей СССР с демократическими правительствами Северо-Востока Китая, в том числе оказание с 1946 г. вплоть до победы войск КПК над армией Гоминьдана безвозмездной помощи НОАК оружием;

- инициативы Коминтерна и СССР по созданию единого демократического антияпонского фронта, так называемого «второго сотрудничества между Гоминьданом и КПК», одного из главных факторов, предотвративших капитуляцию КР перед Японией;

- вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г. и весомый вклад СССР в победу союзников над Японией во Второй мировой войне;

- помощь СССР в создании Маньчжурской революционной базы — центра противодействия гоминьдановской реакции против демократических и коммунистических сил страны;

- первое десятилетие дружбы и сотрудничества между СССР и КНР.

Даже такая краткая констатация степени участия Советского государства, его правящей партии и международного коммунистического движения в политических событиях в Китае свидетельствует об относительно больших возможностях российских исследователей Китая в освещении исторических событий, происходивших на территории великого соседа.

Нельзя не отметить и наличия в отдельные исторические периоды негативного развития событий, затрагивавших внутреннюю ситуацию в Китае, и тесно связанные с ней внешнеполитические аспекты российско-китайских отношений. В сфере внутренней политики конфликт интересов включал, главным образом, проблемы КВЖД, Синьцзяна, Монголии, но, главное — концентрировался вокруг параллельного развития и сочетания советско-китайских отношений государственного уровня и интернациональных связей

ВКП(б) и КИ — с Коммунистической партией Китая. При этом обратим особое внимание на утвердившуюся в российской и китайской историографии точку зрения о преобладании в развитии российско-китайских отношений конструктивных тенденций.

Отраженные в работах советских и российских историков основные направления взаимодействия между китайским и российскими народами и условия, в которых оно осуществлялось, дают представление о «причастности» отечественной истории к истории Китая. Как следует из российской и советской историографии Китая, российскому китаеведению свойственно так называемое «историческое сознание», позволяющее глубоко чувствовать и ощущать историю Китая, реалии исторического прошлого и настоящего.

Распад Советского Союза и изменение общественно-политического строя России имел для российского китаеведения, прежде всего, российской историографии Китая, противоречивый результат. Глубокий финансовый и экономический кризис прямо затронул науку РФ, резко снизив материальные затраты на ее развитие, значительно сократив приток в науку молодого поколения. Повсеместное сокращение центров по изучению китайского языка создавало большую угрозу в плане развития практического китаеведения. Простое количественное сопоставление выхода в свет фундаментальных исследований монографического плана и обобщающих работ в 1990-х гг. по сравнению с несколькими предыдущими десятилетиями свидетельствовало о резком снижении числа новых исследований. Китаеведение потеряло целый ряд профессионалов-историков, покинувших Россию. В целом утвердившийся в советское время системный характер в развитии китаеведения дал трещину, хотя в силу ряда особенностей, в том числе вышеназванных, китаеведение как таковое сумело удержаться на определенных позициях, а изучение истории Китая продолжалось.

События 1991 г., как уже упоминалось, сопровождались одновременно рядом положительных моментов, способствовавших развитию китаеведения. К ним в первую очередь относится расширение источниковедческой базы исследований, которое стало возможным в связи с проведением новой для российского общества демократической политики открытости.

Открытие архивов и доступ исследователей к архивным документам вызвал источниковедческий бум, значение которого для изучения истории Китая трудно переоценить. Тенденция публикации источников в исторической науке РФ выделилась наиболее четко и сразу. Активный процесс издания источников, стабильно развивавшийся в течение 90-х гг. XX в. и продолжившийся в XXI в., стал толчком для развития исследовательской работы по истории Китая и вглубь и вширь, создал возможности пересмотра ряда устоявшихся представлений о развитии исторического процесса в Китае и открытия новых тем и направлений.

На общем фоне развития источниковедения выделяются *серии* — публикации новых документов и материалов и ряд фундаментальных сборников документов и материалов. Центральное место в блоке опубликованных документальных источников, затрагивающих, в основном, проблемы внутренней истории Китая, занимает серия под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (каждый том имеет свое название), первый том которой увидел свет уже в 1994 г.¹ В 1996 г. вышел Т. 2 — в двух книгах², в 1999 г. — Т. 3 в двух книгах³. В 2000-х годах продолжалась работа над подготовкой и изданием 4 (в двух книгах) и 5 томов, последний — пятый том, увидел свет в 2007⁴. Эта серия включила 1380 документов⁵ и осуществлялась в сотрудничестве с учеными Свободного университета Берлина (ФРГ). Том 1 вышел под руководством академика М.Л. Титаренко и проф. Го Хэньюя. Работу над всеми последующими томами возглавляли М.Л. Титаренко и М. Лейтнер. Коллективом авторов и составителей сборников, большинство которых являлись сотрудниками ИДВ РАН, проделана грандиозная работа. Серия включает также, кроме общепринятых приложений, аннотированный указатель имен⁶, что делает работу

еще более ценной. Все тома переведены на немецкий и китайский языки. Причем китайское издание имеет свою особенность. Китайские ученые почти к каждому переведенному с русского языка тому добавляли книгу документов, составленную на основе китайских материалов по данному периоду.

В основе этой публикации лежали архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории. Эта работа продемонстрировала открывшиеся возможности международного сотрудничества, способствовавшего выполнению поставленной учеными грандиозной задачи создания источниковедческой базы для всестороннего освещения политики РКП(б) / ВКП(б) и КИ в Китае в течение 1920–1943 гг. В общей сложности работа продолжалась около 15 лет. Особенность данной серии и всех подробно характеризуемых в статье источников, связанных с изучением политики ВКП(б) и Коминтерна в Китае, состоит в наличии, как это показано, тесной связи национально-революционного движения в Китае с китайской политикой ВКП(б) и КИ, то есть с внешним аспектом внутренней ситуации в стране. Что касается Китая, то «коминтерноведение» в значительной степени базируется на страноведении, дает новую информацию по Китаю, без учета которой нельзя реалистически оценить сущность, цели и результаты политики КИ в национально-освободительном и коммунистическом движениях. Нельзя сказать, что до появления этой публикации полностью отсутствовала источниковедческая база деятельности Коминтерна в Китае. Достаточно указать на сборник документов и материалов Коминтерна — «Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы»⁷, вышедший в 1986 г. и содержащий основные решения конгрессов и пленумов Коминтерна по Китаю. Материалы о советской внешней политике и частично о внутренней ситуации в Китае можно было найти в сборниках «Документы внешней политики СССР»⁸.

Переведенные на русский язык и изданные под руководством академика С.Л. Тихвинского основные произведения лидера национально-освободительного движения в Китае 20-х гг. XX в. Сунь Ятсена «Сунь Ятсен. Избранные произведения»⁹ давали представление о положении в Китае и его внутренней специфике, об отношении Сунь Ятсена и возглавляемого им Гоминьдана к СССР и проблеме национального суверенитета. Вместе с тем, документальная база остро нуждалась в расширении. Нехватка достоверных источников сводила практически на нет бесконечные споры и дискуссии. Поэтому, появление в 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. новых документов и материалов, в основном из российских и китайских архивов (в 80-е и 90-е годы вышел целый ряд сборников документов на китайском языке по истории Гоминьдана, в меньшей степени — англоязычных¹⁰) в значительной степени восполняли существовавшие документальные пробелы, необходимые для освещения взаимодействия КИ и его посланцев в Китае с основными на тот период политическими партиями страны. Прежде довольно запутанная и идеологизированная картина политики Коминтерна в Китае впервые приобрела источниковедческую базу, достаточную для формирования объективного видения политики ВКП(б) и КИ в Китае и освещения революционного и политического процесса в Китае 20-х — 40-х гг. XX в. И в этой связи большое значение имели документы и материалы, связанные с деятельностью Сунь Ятсена и Гоминьдана, которая с 1928 г. получила все функции правящей партии страны. Приложение политики КИ к реальной обстановке в Китае, к программным положениям и практике Компартии Китая и Гоминьдана позволяют оценить политику КИ, КПК и ГМД более объективно, чем прежде.

Первый том документов занимает, на наш взгляд, важное место как по количеству впервые появившихся в открытой печати документов и материалов, так и по их содержанию, всесторонне освещающему политический и революционный процесс в Китае. Именно этот том дает весомые основания для пересмотра ряда устоявшихся в историографии положений о характере и содержании китайской революции 20-х гг. XX в., ее участниках и конкретных целях. Впервые читатель получил конкретную и объективную

информацию о формах участия представителей СССР, руководителей РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна в национально-революционном и коммунистическом движениях, их взаимодействии с обеими ведущими партиями Китая, о формировании политической революционной программы лидера Гоминьдана Сунь Ятсена и его партии в национальном движении, о связях Сунь Ятсена с полпредами и представителями КИ в КР. Документы тома дают возможность проследить конкретную реализацию основного документа Коминтерна по вопросам его политики в Китае, а именно — Тезисов по национально-колониальному вопросу, принятых II конгрессом Коминтерна в 1920 г.

Впервые были опубликованы документы по Китаю, исходящие из Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), находившиеся на особом хранении, в так называемых "особых папках", а также протоколы Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б) (создана 19 марта 1925 г.), о деятельности которой до выхода настоящей книги практически не было сведений.

Между тем, значительная роль в развитии национально-освободительного движения в Китае вплоть до весны 1927 г. принадлежала Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б), председателем которой в начале ее деятельности был председатель Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе. Осуществляя тесную связь с полпредом СССР в КР Л.М. Караханом и политическим советником Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным, он имел возможность формировать достаточно полное представление о политической ситуации в Китае и предпринимал временами успешные усилия по удержанию политики руководства КИ и КПК в рамках проведения в жизнь Тезисов по национально-колониальному вопросу, противодействуя при этом росту радикализма в руководстве КИ, особенно его Восточного отдела, и КПК¹¹.

Сборник содержит большое количество архивных дел, касающихся финансовой помощи советского государства освободительному движению в Китае, помощи военными и политическими советниками, а также затрат на обучение китайцев в образовательных учреждениях СССР и Китая. Значительный материал освещает мало изученные сюжеты организации Москвой и КИ «северного маршрута» национально-революционного движения с опорой на Национальные армии генералов Фэн Юйсяна и Ху Цзиньши, в том числе приводятся документы об оказании значительной материально-финансовой помощи этим армиям, вполне сопоставимой с размерами помощи военным силам Гоминьдана.

Вопрос о размерах финансовой помощи национально-революционному движению Китая до сих пор не имеет четкого ответа. Вычислить суммарный итог довольно сложно по ряду причин, в том числе ввиду того, что средства поступали из разных источников, что же касается военных расходов, то военное имущество отпускалось НРА в кредит под векселя со сроком платежа через два года. Помощь китайскому национально-освободительному движению оказывалась СССР и КИ в очень тяжелые для советского государства годы, поэтому, как нам представляется, вопрос о величине помощи не является принципиальным, главное — это вопрос о ее своевременности, поскольку все другие державы отказали в помощи Сунь Ятсену в критическое для его партии время. Важно и другое: как показано в документах, на первом месте было желание Москвы и Коминтерна помочь китайскому народу освободиться от гнета милитаристов и давления иностранных держав, контролировавших Пекинское правительство. Понятие интернационализма, почти забытое в настоящее время, в полной мере проявлялось в отношении РКП(б) / ВКП(б) и КИ к национальной революции в Китае.

Документы первого тома впервые дают ясное представление об особенностях советской дипломатии в Китае, которая развивалась как бы по двум направлениям. Первое, главное направление — нормализация отношений между двумя государствами, развивавшееся в рамках международного права. Второе — взаимодействие с революционным движением. В дальнейшем, как это зафиксировано в последующих томах данной се-

рии, эта специфика сохранялась. Наряду с выстраиванием официальных межгосударственных отношений с КР, сохранялась практика 20-х гг., характеризовавшаяся в условиях 30-х и 40-х гг. XX в. взаимными контактами ВКП(б) и КИ с КПК (вплоть до самороспуска Коминтерна в 1943 г.) и помощью СССР и КИ коммунистическому движению — при сохранении официального признания правящего режима.

Следует отметить также полную публикацию материалов (часть документов уже была известна в советской историографии. — *Н.М.*), посвященных визиту военной делегации Гоминьдана в СССР (2 сентября — 29 ноября 1923 г.), которую возглавлял начальник Генерального штаба армии Кантонского (Гуанчжоуского) правительства Чан Кайши. Их изучение проливает свет на формировавшуюся программу Гоминьдана в национально-революционном движении Китая, на пределы сближения Гоминьдана и КПК, на специфическое понимание Гоминьданом идеи мировой революции, в которое Сунь Ятсен и руководимая им партия вкладывали идею борьбы наций угнетенных с угнетающими.

Большое место в сборнике, в котором представлено 205 документов и материалов, занимают ранее не публиковавшиеся письма Г.В. Чичерина, А.А. Иоффе, А.К. Пайкеса, Л.М. Карахана, письма Сунь Ятсена В.И. Ленину, Г. Марингу, А.А. Иоффе, переписка А.А. Иоффе с генералом У Пэйфу, письма Л.М. Карахана М.М. Бородину, Г.Н. Войтинского Л.М. Карахану, докладные записки в вышестоящие инстанции политических и военных советников Гоминьдана и КПК. Письма несут в себе ценную информацию о программных положениях Гоминьдана и КПК в национальной революции, об объединяющих партии взглядах на революционный процесс и выявляют противоречия в целях и методах КПК и Гоминьдана, демонстрируют степень адекватности решений Коминтерна китайским условиям.

Публикация первого тома четко продемонстрировала необходимость работы над новой концепцией китайской революции, хотя это не умаляло значения целого ряда успешных исследований российских историков по теме национально-революционного движения в Китае и роли КИ и СССР в его развитии. Предстояло более четко определить адекватные китайским условиям решения Коминтерна и обозначить заблуждения, основанные на незнании или неполном представлении представителей КИ в Китае и руководства Коминтерна в Москве о программе Гоминьдана и ситуации в Китае.

Во втором томе было опубликовано 268 документов. К перечню различного вида документальных источников прибавились распоряжения, докладные записки, переписка с ИККИ и советскими советниками и китайскими руководителями, исходящие от нового органа в структуре Коминтерна — Дальневосточного Бюро ИККИ, созданного в апреле 1926 г. для работы в Китае (Шанхай). Если подбор документов для первого тома отвечал требованиям всестороннего отражения ситуации в Китае, содержал документы, характеризующие ситуацию в КИ, в КПК и в Гоминьдане, что строило основу для создания более-менее объективной картины событий, то при подборе документов второго тома было отдано предпочтение введению документов, отображающих политику и представления КИ и КПК о национальной революции как о революции широких народных масс, развивающейся «снизу». Завершение революции обозначалось 1927 г., то есть разрывом «единого фронта» КПК и Гоминьдана». За рамками сборника осталось большинство событий, связанных с деятельностью ГМД, с работой Национальных (гоминьдановских) правительств 1927 и 1928 гг., с продолжением Северного похода и разгромом милитаристской системы как главной цели национальной революции в Китае. Таким образом, на структуру тома определенное влияние оказала утвердившаяся в китайской и советской историографии концепция революции, близкая основным положениям Октябрьской революции в России, однако, по сути, не отражавшая исторические реалии в Китае. Тем не менее, второй том документов, большинство из которых впервые введены в оборот, заслуживает высокой оценки. Недочеты не «делают погоды»¹².

Как и вся серия документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», этот том вносит свой вклад в развитие «коминтерноведения».

Наряду с впервые публикуемыми документами Политбюро ЦК ВКП(б) (в том числе материалов "Особой папки Политбюро"), Исполкома Коминтерна и подразделений аппарата ИККИ, занимавшихся проблемами Компартии Китая, материалами переписки ИККИ с руководством КПК, документами Дальневосточного бюро ИККИ, третий том (Коминтерн и советское движение в Китае, 1927–1931) включает адресованные ИККИ материалы советской военной разведки (IV управления Штаба Красной Армии), относящиеся к Китаю¹³. По этому направлению были использованы также документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА). Документы убедительно показывают, что самостоятельная работа спецслужб сопровождалась ее взаимодействием с Коминтерном и его представителями в Китае. Эта неизвестная ранее страница истории дает возможность выявить направления и формы взаимодействия спецслужб советского государства с КИ и с КПК, определить их влияние на сферу внешней политики СССР в отношении Китая и Японии. Впервые получила документальное освещение одна из важнейших сторон конспиративной деятельности особого подразделения аппарата Коминтерна — Отдела международной связи (ОМС ИККИ). Т. 3 в основном включает документы начального периода «советского движения». Это был сложный для Компартии период поиска нового содержания революционного процесса, недостаточно документированный до выхода сборника в свет. Как показывают материалы тома, переход от стратегии вооруженных выступлений КПК против Гоминьдана, в формировании которой принимал активное участие и КИ, — к периоду «советского движения», строительству опорных баз в тылу Гоминьдана — был результатом как объективного хода событий, так и следствием влияния на руководство КПК политики Коминтерна, умеющего делать выводы из своих ошибок. Этот процесс фактически совпал с усилением власти И. Сталина, который для ВКП(б) формулировал основополагающие установки китайской политики Коминтерна, которые в свою очередь передавались в Китай руководству Компартии и представителям КИ в КПК. Строительство Красной армии по типу советской Красной армии как обратная сторона «советского движения» осуществлялось при взаимодействии с военной комиссией при Восточном секретариате ИККИ, председателем которой был начальник управления Я.К. Берзин. Документы тома дают также представление об одном из наиболее существенных направлений взаимодействия между КИ и его секциями — отслеживают механизм финансирования КПК Коминтерном.

Т. 4 документального сборника «ВКП(б), Коминтерн и Китай» охватывает период с осени 1931 г. до VII конгресса Коминтерна (1935 г.), в течение которого в Китае началась полоса поражения советского движения. Блокада Центрального советского района поставила коммунистов на грань выживания. Прорвав блокаду, армия КПК выступила в свой легендарный Великий поход в 50 000 ли. Одновременно осуществлялся поиск новой стратегии демократической революции: от всеобщей советизации к сплочению патриотических сил. В томе содержится убедительная информация о том, что процесс поиска шел с двух сторон: изнутри и извне, то есть формировался в том числе под влиянием решений VII конгресса Коминтерна, хотя в целом влияние КИ в Китае в этот период было весьма ограниченным.

Начало в 1931 г. японской агрессии в Китае и изменение международных отношений в целом, усиление опасности для СССР вторжения Японии на территорию Советского государства резко сократили возможности контактов КИ и КПК. В течение 1931–1935 гг. ИККИ не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК и советского движения, что объяснялось как отсутствием единства мнений в КИ по вопросу стратегии национально-освободительных и коммунистических движений в мире, а в Китае в особенности, так и нежеланием раздражать Японию, представлявшую реальную опасность для СССР на его восточных рубежах. Кроме того, отсутствовала доста-

точно реалистичная информация о положении в Китае. Не случайно, что перед военными разведчиками, в частности, перед группой Р. Зорге, работавшей в Китае в 1932–1933 гг., одной из основных задач являлся сбор информации о внутриаполитической ситуации в Китае. Основным директивным документом Коминтерна о задачах КПК и советского движения в Китае на первую половину 30-х гг. являлась принятая Президиумом ИККИ еще 31 июля 1931 г. резолюция "О задачах Компартии Китая"¹⁴, которая хотя и близко подходила к постановке вопроса создания единого национального антияпонского фронта, однако не уточняла вопроса об участии в нем Гоминьдана. Как свидетельствуют документы, наиболее важные решения ИККИ по вопросу единого национального антияпонского фронта готовились И.В. Сталиным и генеральным секретарем ИККИ (с 1935 г. — до роспуска КИ) Г. Димитровым. Они были приняты Секретариатом ИККИ в июле-августе 1936 г. Как следует из документов, в целом тактика единого национального антияпонского фронта вырабатывалась в 1936–1937 гг. совместными усилиями Секретариата ИККИ и делегации КПК в ИККИ, возглавляемой Ван Мином; ЦК КПК в Китае также работал в этом направлении.

Итог совместных усилий содержался в выступлении Г. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ по китайскому вопросу 10 августа 1937 г.¹⁵ Этим документом открывается Т. 5. Его документы охватывают период с августа 1937 г. до роспуска Коминтерна в мае 1943 г. Они посвящены разработке в деталях политики единого национального антияпонского фронта, в том числе охватывают многочисленные инициативы КИ по предотвращению раскола единого фронта, опасность которого была явной, и исходила периодически то со стороны Гоминьдана, то со стороны КПК. Центр тяжести в составлении рекомендаций и инструкций для КПК в разработке условий единого фронта, а также рекомендаций в урегулировании периодически возникавших конфликтных ситуаций в отношениях между Гоминьданом и КПК как основы национального антияпонского единого фронта переместился в этот период с партийных руководящих органов ВКП(б) на Президиум и особенно Секретариат ИККИ (согласно решению VII конгресса КИ). Большое место в документальной базе тома заняли шифротелеграммы между Секретариатом ИККИ и ЦК КПК, а также между Г. Димитровым и Мао Цзэдуном, которые в своем большинстве ранее не были известны исследователям. Между тем, как и прежде, ИККИ в основном следовал позициям советского руководства в его политике относительно КР и отношений между двумя партиями.

Одна из особенностей данного тома состоит в том, что он включает целый комплекс документов о финансовой помощи Советского Союза и Коминтерна Компартии Китая в период антияпонской войны. Как показывает содержание документов тома, в течение 1937–1941 гг. Компартии Китая было предоставлено 3 852 394 ам. долл.¹⁶ Как следует из документа № 180¹⁷, Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1941 г. постановило выделить ИККИ один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК КПК. Финансовая помощь СССР в размере одного миллиона отпускалась в ответ на просьбу ЦК КПК от 16 мая 1941 г.¹⁸ СССР передавал Компартии Китая также технические, медицинские средства, различное имущество¹⁹. В 1937 г. при помощи СССР была создана военная школа в Урумчи для подготовки военно-технических кадров для 8-й армии, в которой работали советские инструкторы²⁰.

Следует особо отметить стремление КИ к изучению внутренней обстановки в Китае. В этой связи практиковалась форма заслушивания на соответствующих заседаниях Президиума ИККИ докладов ведущих деятелей КПК, в которых поднимались все животрепещущие вопросы, в большинстве случаев связанные с возникавшими проблемами сотрудничества между КПК и Гоминьданом — к ним относятся доклады Жэнь Биши (апрель 1938 г.) и Чжоу Эньлая (конец декабря 1939 г.). Жэнь Биши, Линьбяо и Мао Цзэминь в июле 1939 г. по инициативе члена Секретариата ИККИ Д.З. Мануильского были участниками обсуждения проблем единого фронта, включая проблему, связанную с опас-

ностью в определенных условиях осуществления капитуляции КР перед Японией²¹. Глубокое внутреннее содержание имели упоминавшиеся выше выступления Г. Димитрова на Секретариате ИККИ 10 августа 1937 г., беседа И. Сталина в Кремле с Ван Мином, Кан Шэном и Ван Цзясяном накануне их отъезда в Китай (11 ноября 1937 г.)²². В документах представлены отдельные перипетии внутривнутрипартийных разногласий, в частности, Мао Цзэдуна и Ван Мина. Свыше 20 документов освещают отношения «хозяина Синьцзяна» Шэн Шицая с СССР.

Завершают том документы, связанные с самороспуском Коминтерна, сам факт которого до сих пор является предметом дискуссий в научной среде. Между тем, документы тома по данному вопросу однозначно свидетельствуют о поддержке китайскими коммунистами этой инициативы Коммунистического Интернационала. И Ки, и Компартия Китая проявили по этому вопросу адекватную историческим условиям позицию. Напомним, что еще в материалах VII конгресса Коминтерна рекомендовалось избегать непосредственного вмешательства Ки во внутриорганизационные дела коммунистических партий²³. ЦК КПК в своем решении по поводу предложения Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна (Яньань, 26 мая 1943 г., док. № 291), подчеркнув новую международную обстановку и изменения в уровне политической сознательности членов партии, отметил положительную роль Ки в развитии коммунистического движения и становлении КПК, особо выделив роль Коминтерна в установлении сотрудничества КПК и Гоминьдана и создании единого фронта в 1924 г. еще при жизни Сунь Ятсена и в поддержке победоносного Северного похода 1926–1928 гг.²⁴ Данное решение отметило все основные заслуги Коминтерна в предшествовавший роспуску Коминтерна период.

Поддержка данного решения ИККИ обосновывалась в решении ЦК КПК также необходимостью предоставления свободы действий всем партиям в целях мобилизации сил в антифашистской борьбе, а также убежденностью в том, что уже давно «китайские коммунисты в состоянии совершенно самостоятельно разрабатывать свой собственный политический курс, свою политику и вести свою деятельность, исходя при этом из конкретной обстановки и специфических условий развития своей нации»²⁵. В целом, необходимость предоставления компартиям большей самостоятельности действий в сложных условиях военного времени признавал И. Сталин уже после VII конгресса Ки. При этом он допускал негативное воздействие усиления централизации руководящей деятельности Ки на деятельность коммунистических партий, которое видел в возможном снижении активности компартий и их творческого подхода к решению усложнившихся вопросов внутренней и внешней политики в быстро меняющейся обстановке.

Значительным явлением в российском источниковедении стало издание в 2004 г. сборника документов «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы»²⁶, который по своему содержанию, наряду со сборником «ВКП(б), Коминтерн и Китай», расширяет и углубляет источниковедческую базу «коминтерноведения». Все документы, включенные в сборник, хранятся в РГАСПИ в фондах ЦК РКП(б)—ВКП(б) (описи Политбюро, Оргбюро и Секретариата), Исполкома Коминтерна (описи Президиума, Секретариата и Политсекретариата Коминтерна, пленумов ИККИ, секретариатов И. Пятницкого и Г. Димитрова, антивоенной и польской комиссий ИККИ и Делегации ВКП(б) в ИККИ, представительства Компартии Германии при ИККИ), Компартии Италии и КПК; личных фондах Г.Е. Зиновьева, В.И. Ленина, В.М. Молотова, К.Б. Радека, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и др. Прослеживается сложный процесс взаимодействия ВКП(б) и Коминтерна, содержание их деятельности. Документы показывают неуклонный рост влияния И. Сталина как на китайскую политику ВКП(б), так и на процесс постепенного усиления приоритетных позиций Политбюро ЦК в формировании политики относительно национально-революционного и коммунистического движений в Китае. Отметим, что в начале 1920-х гг. руководство РКП(б) выстраивало структуру Коминтерна по работе с китайскими коммунистами и одновременно активно сотрудничало по ки-

тайскому вопросу с представителями НКВД СССР в Китае, благодаря которому, как видно из документов, выбор Компартии Китая союзников в национально-революционном движении оказался на стороне партии Сунь Ятсена.

Из документов следует, что с 1927 г. КИ укрепил свои позиции и добился роста своего влияния и на ВКП(б) и на КПК. Однако с годами он все более становился инструментом ВКП(б). Тщательное знакомство с данным сборником документов демонстрирует факт большого внимания Коминтерна к западному направлению. Китай на общем фоне политики РКП(б) / ВКП(б) и КИ не занимал значительного места, возможно, по причине удаленности от центра СССР и трудностей в установлении контактов и связи со своими представителями в Китае и с китайскими коммунистами. Не последнюю роль играл языковой барьер. Удаленность от Москвы и сложности внутривластной обстановки в КР создавали условия для ослабления контроля КИ и его китайской секции над деятельностью КПК в Китае, которая в первой половине 30-х гг. пыталась создавать очаги советской власти в сельской местности, одновременно противостояла карательным походам Гоминьдана, в итоге — выступила в Великий поход; с конца 30-х — в первой половине 40-х гг. находилась в условиях войны с японским агрессором.

Особое внимание руководство ВКП(б), как отражено в материалах сборника, уделяло сохранению и упрочению своего контроля над ответственными кадрами Коминтерна на местах. В целом, подобная практика ВКП(б) продолжалась с переменным успехом до роспуска Коминтерна и, без сомнения, сыграла свою положительную роль, особенно в организации объединения всех прогрессивных сил в борьбе с фашизмом.

Неудача попыток мировой революции в Германии, Болгарии и других европейских странах, как показывают документы, возможно, несколько снизила радикальный настрой ВКП(б) и КИ на восточном направлении, однако, не заставила отказаться от идеи осуществления в Китае аграрной революции в 1927–1928 гг. и от широкомасштабной организации советского движения, потерпевшего крах в 1934 г. Здесь следует отметить, что революционные схемы деятелей Коминтерна в значительной степени отражали настроения масс, и даже неудачи в их осуществлении в какой-то степени способствовали впоследствии совершенствованию предпринятых инициатив — уже в новых условиях и на новом уровне. Эта точка зрения, как мы увидим далее, нашла свое выражение в некоторых исследовательских работах российских китаеведов. Говоря об ошибках Коминтерна, подчеркнем сложность ситуации в целом, объективные трудности в поисках правильных решений. Как свидетельствуют документы, одна из серьезных ошибок КИ первой половины 1930-х гг. заключалась в длительном сохранении резко конфронтационной позиции по отношению к социал-демократии, что означало затягивание формирования политики единого фронта на Западе и на Востоке. Только опыт антифашистской борьбы в Европе убедил руководство ВКП(б) и КИ отказаться от отрицания совместных действий с социал-демократией и выдвинул на передний план антифашистские и антивоенные задачи, а не меры по подготовке социалистической революции.

После VII конгресса Коминтерна была осуществлена комплексная реорганизация его политики, включавшая кардинальное изменение общего стратегического плана, вектор которого теперь направлялся на объединение всех демократических сил в борьбе с международной агрессией. В ходе реорганизации было осуществлено разделение функций между Политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерном, согласно которому ответственные решения Коминтерна не должны были подменяться решениями Политбюро ЦК ВКП(б). Тем не менее, как свидетельствуют дневниковые записи Г. Димитрова и заметки И. Сталина на текстах решений Коминтерна, новый механизм взаимоотношений позволял обходить принятое решение и предоставлял возможность руководству ВКП(б) продолжать контролировать и направлять политику Коминтерна. Сборник содержит убедительные материалы о значительном влиянии И. Сталина на разработку Коминтерном политики создания единого национального антияпонского фронта в Китае и внедрении ее в практику.

Включенные в сборник документы и материалы показывают, насколько масштабной была деятельность Коминтерна в последние предвоенные годы и в период Второй мировой войны. Она охватывала десятки стран Запада и Востока: это и подготовка национальных кадров, и заброска кадров на оккупированные территории, организация радиопропаганды, работа с военнопленными и т.д.

Не углубляясь в содержание документов по актуальной теме репрессий в отношении кадров Коминтерна, начавшихся в 1935 г., лишь отметим, что аппарат ИККИ считался чуть ли не основным каналом просачивания в СССР диверсионных элементов; имели место многочисленные аресты, закрытие всех учебных заведений ИККИ, включая Международную ленинскую школу, подготовившую для многих стран, в том числе для КПК, квалифицированные кадры, роспуск Компартии Польши и т.д.

Несмотря на ряд негативных событий, связанных с деятельностью Коминтерна, материалы сборника, во-первых, свидетельствуют об отражении (хотя и не всегда адекватном) в политике КИ объективно назревших требований момента; во-вторых, о его значительной роли в организации антифашистской борьбы, что имеет мировое значение. Документы не оставляют сомнений в том, что «И. Сталин и его ближайшее окружение направляли Коминтерн на развертывание борьбы с фашизмом, организацию европейского движения Сопrotивления и национально-освободительной антифашистской войны»²⁷.

К вышеизложенной тематике примыкают два сборника, которые подготовлены в ИДВ РАН д.и.н. А.И. Картуновой. В 2003 г. вышел сборник документов и материалов под названием «В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника»²⁸. А.И. Картунова выступает в роли составителя, ответственного редактора, автора введения и примечаний. Прделана большая и важная работа, в которой документы переплетаются с личностью В.К. Блюхера как выдающегося военачальника, героя гражданской войны в России и умного интересного человека, жизнь и деятельность которого оказалась тесно связанной с событиями в Китае, в которых он сам выступал одним из главных действующих лиц.

Поскольку в китайском национально-революционном движении большая роль принадлежала военному фактору, деятельность начальника Южнокитайской группы военных советников, прикомандированных к Гуанчжоускому (Кантонскому), а с 1 июля 1925 г. — Национальному (гоминьдановскому) правительству, оказалась в гуще событий, вследствие чего главный военный советник и его группа обладали большей мобильностью и возможностью видения сути внутривосточной ситуации и целей национальной революции. В.К. Блюхер значительно раньше других советников и многих китайских коммунистов понял военную специфику революционного движения, результаты которого связывал больше с успехами военного строительства, чем с уровнем рабочего и крестьянского движения тех лет. Данной работе предшествовало издание сборника документов и материалов о деятельности В.К. Блюхера и военных советников, вышедшего в 1970 г. (переиздание в 1979 г.)²⁹, которое также было подготовлено А.И. Картуновой. Еще первый подготовленный ею сборник был очень положительно воспринят советскими и зарубежными историками. Его материалы содержали основу для внесения корректив в сложившиеся в историографии представления историков о расстановке политических сил в стране и характере социальной среды того времени, о программе Гоминьдана, представлениях лидера Гоминьдана Сунь Ятсена о национально-освободительном движении Китая, о Северном походе 1926–1928 гг. (в 1927 г. В.К. Блюхер вернулся в СССР), направленном на восстановление национального суверенитета Китая и объединение страны. Опубликованный А.И. Картуновой в 2003 г. сборник документов о В.К. Блюхере — значительно более информативный, включающий наряду с другими материалами полную, в отличие от издания 1970 г., публикацию рукописи В.К. Блюхера под названием "Гуандун. Очерк военных событий. Декабрь 1924 г. — июль 1925 г." (док. № 2). В.К. Блюхер закончил этот очерк после первой командировки на юг Китая (сентябрь 1924 г. — конец мая

1925 г.) в сентябре 1925 г. Период его второй командировки в Китай — май 1926 г. — сентябрь 1927 г. Военный талант В.К. Блюхера, как показывают документы, сыграл значительную роль в создании при Кантонском (Гуанчжоуском) правительстве Сунь Ятсена армию нового типа, отличную от армий милитаристов. В течение 1924–1925 гг. армия создавалась и укреплялась в ходе военных действий вооруженных подразделений Сунь Ятсена с военными подразделениями Чэнь Цзюньмина — бывшего соратника Сунь Ятсена, войсками юннаньских и гуансийских генералов, стремившихся контролировать провинцию Гуандун. В результате I и II Восточных походов к концу 1925 г. была заложена основа военного строительства в Кантонской революционной базе³⁰. Необходимо отметить включение в сборник ряда документов о создании и работе военной школы Хуанпу, о роли В.К. Блюхера в ее работе, о помощи созданного на ее основе 1-го корпуса и его значении в вытеснении с Юга войск мятежных генералов. Вторая командировка совпала с Северным походом — центральным событием национальной революции в Китае. Документы показывают трудности В.К. Блюхера, вызванные часто отсутствием постоянно действовавших каналов связи как с Национальным правительством, так и с Москвой, с необходимостью принятия несогласованных с китайским генералитетом и с Москвой решений, с «конфликтом интересов» с главным политическим советником ГМД М.М. Бородиным, склонным в 1927 г. к принятию радикальных решений, нередко под влиянием Коминтерна.

В сборнике отражены неизвестные историкам события, связанные с Хубэйской и Цзянсийской операциями Северного похода; в нем представлены документы и материалы о взаимоотношениях между генералами Чан Кайши и Тан Шэнчжи, существенно повлиявшие на расстановку военных и политических сил, дана оценка В.К. Блюхера «революционности» этих генералов³¹. Следует отметить, что В.К. Блюхер, принимавший самое активное участие в составлении планов Северного похода, хорошо понимал ситуацию в Китае, знал многих генералов и их настроения. Так, он никогда не заблуждался относительно политических воззрений генералов Тан Шэнчжи и Фэн Юйсяна, не доверял им и был уверен, что они не являются верными сторонниками Уханьского правительства, что подтверждено развитием событий. Вместе с тем, в отличие от руководства Коминтерна и от М.М. Бородина он более реально оценивал возможности генерала Чан Кайши, указывал своим оппонентам на масштабную поддержку его политики Гоминьданом, иностранными державами, предпринимателями и торговцами, указывал на его авторитет в военной среде. Неоднократно он обращал внимание и на расхождения между положениями нормативных документов военной школы Хуанпу и стилем поведения советских военных советников в управленческих структурах Хуанпу и в военных корпусах³².

Документы содержат немало сведений о помощи советских политических и военных советников в реорганизации Гоминьдана и КПК в массовые «партии действия», в создании Гоминьданом армии нового типа, существенно отличавшейся от вооруженных сил милитаристов. Совершенно очевиден вклад советских военных советников в победу Северного похода в 1928 г., покончившую с засильем системы регионального милитаризма, поставившую Китай на грань системного кризиса. Немалая роль в достижении ГМД военных успехов принадлежала СССР, оказавшему Гоминьдану материально-финансовую помощь, помощь оружием, советниками и т.д.

Сборник содержит 17 документов, из них 13 составлены В.К. Блюхером. Представляет интерес и Приложение, включающее четыре документа и содержащее оценки В.К. Блюхером военно-политических проблем, связанных с деятельностью Уханьского правительства и взаимоотношений советских советников В.К. Блюхера и М.М. Бородина. Сборник документов вызвал большой интерес китайских коллег. В настоящее время в одном из издательств КНР (в Гуанчжоу) заканчивается его подготовка к изданию на китайском языке.

Документальное освещение темы политики Коминтерна и СССР в Китае, прямо связанной и с развитием советско-китайских отношений, а также с формированием национально-революционного и коммунистического движений в Китае, продолжает изданная в 2008 г. переписка (август 1923 г. — 1926 г.) генерального секретаря ЦК РКП(б) — ВКП(б) И.В. Сталина и полпреда в Китае Л.М. Карахана (РГАСПИ), а также наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана (АВП РФ)³³. Жанр переписки в источниковедении занимает особое место. Содержащаяся в ней информация вкупе с информацией из опубликованных документов политических, государственных и партийных органов не только воссоздает атмосферу времени, но уточняет и конкретизирует внутри- и внешнеполитические проблемы, помогает вскрыть подоплеку тех или иных важных политических решений. Переписка И. Сталина и Л.М. Карахана публикуется впервые, между тем как переписка Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана публиковалась и ранее, однако не в таких масштабах. По сравнению с перепиской Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана переписка И. Сталина с Л.М. Караханом занимает незначительное место.

Содержание данного сборника подтверждает известный из истории российской дипломатии в Китае факт тщательного подбора кадров для работы в Китае. Так, имя Л.М. Карахана, полпреда СССР в КР в течение 1923–1926 гг., как дипломата было хорошо известно в Китае и ранее, прежде всего, по двум документам за его подписью: «Обращение Совета Народных комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. и «Нота Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Министерству иностранных дел Китая» от 7 сентября 1920 г. Переписка, представленная в сборнике, на конкретных примерах демонстрирует высокую профессиональную подготовку полпреда СССР в Китае, а также показывает глубокое проникновение в проблемы российско-китайского взаимодействия И. Сталина и Г.В. Чичерина.

Обозначим ряд направлений и событий, вызывавших особое внимание И. Сталина, Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана. Широкое освещение в переписке уделено ходу переговоров Л.М. Карахана с представителями пекинского правительства о подготовке «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», заключенного 31 мая 1924 г. Переписка дает полное представление об огромных усилиях Л.М. Карахана в деле подготовки данного соглашения, подписанию которого активно мешали США³⁴. Известно, что по вопросу подписания соглашения не было единства и в китайской среде. Даже Сунь Ятсена, с партией которого развивались особо дружеские связи и который сам надеялся на официальное признание Кантонского правительства Москвой, пришлось долго убеждать в необходимости заключения соглашения по государственной линии — между СССР и КР. Большие заслуги в этом принадлежали главному политическому советнику Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородину. Новые факты представлены в переписке по вопросу подписания соглашения с Мукденом от 20 сентября 1924 г., среди них — подробности преодоления конфликта интересов СССР с Чжан Цзолинем относительно КВЖД, который усиливался давлением на Чжан Цзолиня со стороны Японии и некоторых западных держав³⁵.

Как и в серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», содержится ряд материалов о том, что ВКП(б) и КИ не сразу определили в лагере национально-освободительного движения наиболее перспективную политическую силу, способную возглавить борьбу с северными (бэйянскими) милитаристами; некоторые руководящие лица КИ и ВКП(б) не сразу увидели разницу между милитаристскими группировками Чжан Цзолиня, У Пэйфу и др., с одной стороны, и Сунь Ятсеном и его партией, которые в конце 1910-х — начале 1920-х гг., не имея собственной армии, вступали в кратковременные союзы с южными милитаристскими группировками, с другой. В переписке нашла отражение и продолжение представленная в серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» тема разработки северного маршрута революции с опорой на Национальные армии.

Судя по переписке, Л.М. Карахан, поддерживавший постоянный контакт с политическим советником Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным, был в курсе всех событий внутренней жизни и Северного, и Южного Китая, лучше многих представителей Коминтерна представлял программу и политику Гоминьдана, что способствовало проведению СССР достаточно адекватной политики как по отношению к официальной власти КР, так и при контактах с лагерем национально-революционного движения. Поддержка Москвой и КИ Северного похода (разногласия между ГМД и КИ имели место главным образом по вопросу времени выступления НРА в Северный поход. — *Н.М.*) является ярким примером объективного подхода советской стороны к решению проблем национально-освободительного движения по данному вопросу.

Как показывает переписка, параллельно с вопросами дипломатического признания СССР со стороны КР решалась важная для советской стороны проблема дипломатического признания СССР со стороны Японии, которая воспринималась в СССР в качестве потенциальной угрозы как для Китая, так и для СССР. Документы освещают подробнейшим образом усилия советской дипломатии при подготовке договора об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией с обязательством со стороны Японии эвакуации с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г.

Значительное внимание в письмах уделено проблеме участия Сунь Ятсена и ГМД в подготовке подготовительной конференции влиятельных военно-политических группировок по вопросу созыва Национального собрания в ноябре 1924 г., что означало еще одну попытку мирного объединения страны. Л.М. Карахан — активный участник этого процесса. В значительной степени благодаря его усилиям в это мероприятие был втянут Сунь Ятсен.

Переписка показывает и достижения, и просчеты советской стороны в организации взаимодействия СССР с национально-революционным движением. Как следует из переписки, по мнению М.В. Фрунзе, Л.М. Карахан выдвигал завышенные требования к советской стороне в оказании генералу Фэн Юйсяну финансовой помощи. Дальнейшее развитие событий подтвердило факт переоценки Л.М. Караханом значения Фэн Юйсяна в национально-революционном движении.

В поле зрения участников переписки постоянно находились вопросы, связанные с эксплуатацией КВЖД и с положением Кантонского правительства. Разногласия по ряду вопросов в Кантонском правительстве наряду с периодически возникавшими конфликтными ситуациями на КВЖД, в возникновении которых были повинны то китайская, то российская стороны, отражали, прежде всего, сложность общей ситуации в стране и в мире. Большое внимание в переписке уделено инспекционной поездке в Китай военно-политической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), возглавлявшейся членом ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Политуправления РККА А.С. Бубновым (Ивановским), которая работала в Китае с начала февраля 1926 г. по конец апреля 1926 г. Результат деятельности комиссии, призванной наряду с решением задачи по урегулированию ситуации вокруг КВЖД исправить допущенные Коминтерном ошибки в работе советских советников при ГМД и его армии, оценивался по-разному. Как это видно из переписки, в СССР преобладало стремление сделать виновными М.М. Бородина и Л.М. Карахана. Между тем материалы документальных сборников свидетельствуют о том, что внутренняя ситуация была сложнее, и причины конфликтов были больше связаны с недостаточным знанием в КИ и ВКП(б) политической программы и практики Гоминьдана, а также положения в Китае в целом. Ярким тому подтверждением является ряд инструктивных указаний ЦК ВКП(б) и КИ, направленных в течение первой половины июля 1926 г. лично М.М. Бородину — не допустить начала Северного похода Гоминьдана против Северных милитаристов в сроки, определенные Гоминьданом и его военным командованием. В результате имела место парадоксальная ситуация: Москва запрещала выступление армии ГМД в поход — в то время, когда он уже 9 июля 1926 г. начался.

В 1990-х и 2000-х гг. продолжалась работа над созданием многотомной документальной серии «Русско-китайские отношения в XVIII — середина XX вв.», основанной преимущественно на документах отечественных архивов, с привлечением документов и материалов из зарубежных архивов и с использованием достижений современного мирового китайоведения. Аналогов этой серии в мировой науке нет. Ответственный редактор серии — академик С.Л. Тихвинский, зам. ответственного редактора серии — к.и.н. А.С. Ипатов. Изучение российско-китайских отношений относится к числу приоритетных направлений в деятельности ИДВ РАН со времени его основания, что определяется тесной взаимосвязью фундаментальной науки с практическими потребностями российской дипломатии, национально-государственными интересами страны. Не рассматривая в статье изданные тома данной серии (они требуют специального исследования. — *Н.М.*), отметим при этом, что в документах и материалах каждого тома содержится большой материал о внутривосточных проблемах Китая, включающий информацию и оценки государственной политики КР, партийно-политические проблемы, общественные движения, характеристики выдающихся деятелей Китая по различным направлениям. Данное издание представляет собою весомый вклад в мировую фундаментальную науку. Востребовано оно и отечественной дипломатией. Издано 12 томов. Подготовка очередных томов продолжается.

Предпринятая нами характеристика блока крупных документальных сборников, изданных в течение 1990-х — 2000-х гг. и содержащих достоверную источниковедческую базу для изучения многослойного внутривосточного процесса в Китае, китайской политики ВКП(б) и КИ, свидетельствует о появившейся возможности для историков более углубленного изучения проблем внутренней истории и частично внешней политики, ликвидации ряда «белых пятен» в политической истории страны, связанных в том числе с изучением места партии Сунь Ятсена в национальной революции.

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. 1. 1920–1925 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, Го Хэньюй (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, М. Лейтнер, Р. Фельбер. М., 1994.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2. 1926–1927 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, Р. Фельбер, К.В. Шевелев. М., 1996.
3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. Документы. Т. 3 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И. Крюгер, Р. Фельбер, К.В. Шевелев. М., 1996.
4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937. Документы. Т. 4. Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И. Крюгер, Р. Фельбер, К.В. Шевелев. М., 2003; ВКП(б), КИ и КПК в период антияпонской войны 1937 — май 1943. Т. 5 / Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, А.М. Григорьев, А.И. Картунова, И. Крюгер, Н.И. Мельникова, К.В. Шевелев. М., 2003. М., 2007.
5. См.: *Картунова А.* К завершению издания серии сборников документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай. 1920 — май 1943 гг.» // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 103.
6. Эта скрупулезная работа проделана И.Н. Сотниковой при участии К.В. Шевелева.
7. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 1–10. М., 1957–1965.
9. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985.
10. См.: *Saich T.* The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneefliet (alias Maring). Leiden, 1991. Vol. 1–2.
11. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. Док. №№ 141, 144, 146, 152, 153, 158, 160–163, 166, 171–173, 177, 180, 192, 195.

12. Недочеты подобного рода отмечал в своей рецензии на 2-й том документов Ю. Гарушянц. См.: *Гарушянц Ю.* ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т 2 // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 4. С. 149.
13. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. М., 1999. Ч. 1–2.
14. Коминтерн и советское движение в Китае, 1927–1931. Т. 3, ч. 2. Док. № 410.
15. ВКП(б), КИ и КПК в период антияпонской войны, 1937 — май 1943. Т. 5. Док. № 1.
16. Там же. См. Док. №№ 65, 126, 140, 157, 180, 198, 202, 217.
17. Там же. См.: Док. № 180.
18. Там же. Док. № 172.
19. Там же. См.: Док. №№ 28, 57, 69, 94, 116, 124, 157, 173, 202.
20. Там же. Док. № 70.
21. Там же. Док. №№ 47, 48, 53.
22. Там же. Док. № 7.
23. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937: Документы. Т. 4, ч. 2. Док. № 285.
24. ВКП(б), КИ и КПК в период антияпонской войны, 1937 — май 1943. Т. 5. Док. № 291.
25. Там же. С. 671.
26. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.6 Документы / Ред. коллегия: Г.М. Адиеков (отв. ред.-подготовитель), К.М. Андерсон, К.К. Шириня (отв. ред.-подготовитель). Сост.: Г.М. Адиеков, Ж.Г. Адиекова, Л.А. Роговая, К.К. Шириня. М., 2004.
27. *Адиеков Г.М., Шириня К.К.* Предисловие // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.: Документы. С. 18.
28. В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введ. и примеч. А.И. Каргунова. М., 2003.
29. *Каргунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг.: Документы и материалы. М., 1979.
30. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы главного военного советника». С. 397–432.
31. Там же. Док. №№ 10–12.
32. Там же. Док. №№ 1, 3, 4.
33. Переписка И.В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: Документы, август 1923 г. — 1926 г. / Сост., отв. ред.-подготовитель, авт. предисл. д.и.н. А.И. Каргунова; гл. ред. М.Л.Титаренко. М., 2008.
34. Там же. Док. №№ 7, 12, 15, 44. 46, 54.
35. Там же Док. № 9.